

# ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПАЛОМНИК НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

О т

свечи загорается свеча,

от сердца любит сердце,

О т

души просвещается душа.

*Сергий Булгаков.*

«Дневник

духовный»

В наши дни десятки тысяч русских паломников ежегодно посещают Иерусалим, чтобы поклониться Святому Живоносному Гробу Господнему. Их движение напоминает многоводную реку. Но у каждой реки есть исток. На каждой дороге, утопанной миллионами ног, чьи-то следы были первыми. И по великому пути, ведущему русских людей в Иерусалим, кто-то когда-то сделал первый шаг. Вероятно, что шаг этот был сделан из Киева.

Первым известным нам русским паломником на Святой Земле был преподобный Антоний Печерский. Он пришел сюда тысячу лет назад, но не оставил описаний своего путешествия. Благодать, почерпнутая нашим великим отцом и соотечественником на Святой Земле, не обрела письменной формы. Но она осенила и продолжает осенять киевские горы вместе с благодатью святой горы Афон,

где преподобный Антоний прожил несколько лет и принял монашеский постриг.

Буквенная запись духовных путей на Руси едва зарождалась. То бессмертное, что было создано святым Антонием, создавалось в делах и в Духе, минуя букву. Но он поставил крепкую колыбель русской письменности – Киево-Печерскую Лавру, в которой традиция паломничества в Святую Землю не прерывалась никогда.

И сто лет спустя примеру преподобного Антония последовал другой замечательный русский человек, тоже монах Печерской Лавры. Имя его игумен Даниил. Он тоже стал первопроходцем. Не столько потому, что одним из первых прошел путь от Киева до Иерусалима, сколько потому, что первым его описал.

Он обозначил след. Он измерил большие расстояния верстами, а малые выстрелами из лука. И пошел дальше. Славянские буквы, не так давно появившиеся на свет и выведенные им пером на пергаменте, уже вмещали в себя целые миры.

Моря и лукоморья, корабли и дальние острова, Евангельскую историю и жизнь пророков древности эти буквы соединяли с жизнью самого автора. Их последовательность создавала новую для русского человека реальность – литературный текст.

Текст был назван «Житъе и хоженъе Данила Русьскыя земли игумена». И как каждая нарождающаяся реальность, каждая самостоятельная область бытия, написание текста имело свои законы, правила «житъя и хоженъя» в мире мыслей и букв.

Правила эти были быстро уловлены и блестяще исполнены Даниилом. В результате чего написанное им сохранило главное качество живого слова – власть над временем.

Сейчас, девятьсот лет спустя, Данилово «Хожение» – не только актуальный путеводитель по Святой Земле, но и замечательное духовное чтение – мудрое руководство на путях паломничества «не во времени и не в пространстве» – восхождения в горний Иерусалим.

Кто же был игумен Даниил, что мы знаем о его жизни?

Даниил, по предположению историков, был выходцем из города Юрьева, находящегося в Черниговских землях. Черниговским же князем был в 1078-1094 годах Владимир Мономах, видимо, покровительствовавший Даниилу.

Даниил, «Русьская земли игумен», скорее всего был игуменом монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы в Печерской Лавре.

В этом же монастыре он принял постриг и до игуменства был его насельником.

Паломничество Даниила историки датируют 1104-1106 годами. Через семь лет после возвращения, в год восшествия на Киевский престол Владимира Мономаха (1113 год) Даниил стал епископом Юрьевским. Скончался же он 9 сентября 1122 года.

В Святую Землю Даниил ходил «во княжение русское великаго князя Святополка Изяславича, а внука Ярослава Володимирия Киевскаго».

Несимпатичным и нелюбимым князем называет Святополка историк Грушевский. В «Очерке истории Киевской земли» он пишет: «О Святополке сохранилась дурная память. Летопись и агиографические памятники единодушно рисуют его человеком, лишенным государственных способностей, инициативы, и в то же время жестоким, подозрительным, корыстолюбивым, несправедливым. По словам Патерика, в его княжение было много насилия людям».

Но, в противовес Святополку, большим политическим влиянием и популярностью обладал мудрый Владимир Мономах, правивший тогда в Черниговских землях.

Мономах собирал на съезды, вразумлял, мирил недружных русских князей, поднимал их на борьбу с кочевниками-половцами, терзавшими русскую землю в последние пятьдесят лет.

По словам Грушевского, «то была печальная и тяжелая година в

истории Киевщины. Никогда, кажется, половецкие набеги не были так часты и опустошительны, как в это время. К бедствиям этим присоединился еще голод, отчасти вызванный половецкими вторжениями, отчасти причиненный саранчю».

Древний летописец отмечал: «...наша земля оскудела есть от ратий и продаж» – оскудела наша земля от войны и предательств...

В 1095 году «половцы пришли в Киевскую область, осадили город Юрьев и стояли под ним целое лето. ...Наконец жители Юрьева, соскучившись жить в постоянном страхе половецких разорений, улучив удобное время, бежали в Киев, ... а Юрьев, оставленный жителями, был сожжен половцами».

Но и Киев подвергался ожесточенным нападениям кочевников. В 1096 году, воспользовавшись предательством князя Олега Святославича и очередной распрей между русскими князьями, половецкий хан Боняк

20 июля с большим войском подошел к Киеву. Он сжег всю низину и предгорье и набросился на монастыри. Стефанов, Германов и Печерский монастыри были полностью разорены и разграблены.

Хан Боняк, «шолудивый, безбожный, хищник», перекликающийся с волками, «сечет в Золотые ворота» киевские в знак своего торжества и с награвленным добром уходит в степь.

Но в борьбе со степью Русь всё набирала и набирала силу. Когда у русских князей хватало разума действовать сообща, они неизменно одерживали победу. В 1103 году половцы были разгромлены объединенными русскими войсками на реке Сутень.

В 1107 году Боняк и Шарукан были разбиты в битве на Суле.

Новый большой поход был предпринят в 1111 году «думою и похотением Мономаха». Он был завершён блистательной победой и половецкие кочевья далеко отодвинулись от границ Руси.

Хождение игумена Даниила было предпринято через год после русской победы на Сутени. Печерская Лавра и весь Киев, видимо,

несколько оправились от разорения и путешествие «игумена Русьскыя земли» в дальние страны стало возможным.

Трудно представить себе, как выглядел Киев, от берегов которого отправлялся игумен Даниил в Иерусалим. Это были времена еще добылинные. Даже сказания об Илье Муромце датируются более поздними годами.

Трудно представить себе время, когда даже «Слова о полку Игореве» еще не было на свете. Было только «Слово о Законе и Благодати», которое митрополит Илларион написал 25 марта 1038 года в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых воротах в Киеве.

«... благодеть же и истина всю землю исполни, и вера в все языки простресея и до нашего языка роускаго, и похвала кагану нашему Влодимеру, от него же крещени быхом...»

Эти строки читаются как пролог к Данилову «Хожению». Но князь Владимир в них именуется «каганом». Что удивительного? Вокруг Руси стояли каганаты. Давно это было...

Во время «кагана нашего Влодимера» и были созданы первые школы на Руси. По детям, которых власти отправляли в школы, матери голосили, как по мертвым.

При Ярославе Мудром школ стало больше. При его внуках, правивших в Киеве, грамотность, возможно, стала распространяться несколько шире. Но в целом времена были дикие, военные. Где и как учился игумен Даниил, неизвестно. Тем более удивительно появление на Руси человека столь воспитанного и образованного, обладателя богатого и окультуренного внутреннего мира.

В своем «Хожении» Даниил ничего не говорит о Руси (за исключением сравнения Иордана с рекой Сновью). И ни слова — о Киеве.

Возникает вопрос: можем ли мы сейчас увидеть в Киеве что-

нибудь из того, что видел игумен Даниил, и в том виде, в каком он это видел? К счастью, да.

В то время уже явлено было миру киевское чудо – Святая София. И уже сияла под сводами собора Богоматерь Оранта – Нерушимая Стена, та самая, которую мы видим сейчас. Сама похожая на древнего воина (иначе как устоишь?), она по-прежнему защищает Киев от бесчисленных бедствий и войн, на него находящих. Она видела игумена Даниила, и он видел ее. Она провожала его в далекий Иерусалим и встречала его дома.

Вероятно, что из Киева до Константинополя Даниил добирался путем, давно проложенным русскими ладьями: вниз по Днепру до Черного моря, и через море – в Царьград.

С этого момента следует подробное описание всего дальнейшего пути нашего паломника. (Можно было бы начертить карту). «От Царяграда по лукоморию 300 верст до Великого моря», – так начинается дневник странствий.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup>Здесь и далее цитаты из оригинального текста приводятся в русской транскрипции или в переводе на современный русский язык Г.М.Прохорова. Использовано издание: Электронная библиотека ИРЛИ РАН (Пушкинского дома)>Собрание текстов>Библиотека литературы Древней Руси>Том 4>Хождение игумена Даниила. Подготовка текста, перевод и комментарии Г.М.Прохорова.

«Хождение» игумена Даниила хорошо спланировано. Оно разделено на 98 небольших глав. Повествование отличается уравновешенностью и стройностью изложения и ведется в одной динамике от начала до конца.

Плавание по Великому – Средиземному морю описано Даниилом толково и увлекательно. Чувствуется, что автору интересно было наблюдать жизнь греческих островов и приморских городов. Он описывает их природу, быт и промыслы. Неукоснительно заносит в

свои записи сведения о том, какие святые на каком острове подвизались и где покоятся чьи мощи.

«...ту лежит святой мученик Исидор».

«В том острове Иоанн Богословец Евангелие написал».

«И ту есть рождество святого Николы».

При этом автор обнаруживает хорошие знания истории и агиографии. Помимо имен апостола Павла и Иоанна Богослова, начальная часть «Хожения» украшена именами одиннадцати византийских святых, в том числе царицы Елены, а также семи отроков-мучеников Эфесских.

Прибыв наконец в Святую Землю, игумен Даниил вместе с несколькими русскими паломниками отправляется пешком из Яффы в Иерусалим и прибывает в Иерусалимское королевство, которым правил тогда благочестивый король Балдуин.

Об иерусалимском периоде жизни Даниила не нужно строить предположений. Все пройденное и пережитое на Святой Земле описано им ясно и незабываемо.

Замечательно то, что прежде начала своего повествования автор со смирением и достоинством представляется читателю. И обращается к нам со словами, приветливость и дружелюбие которых мгновенно касаются нашего сердца.

«Вот я, недостойный игумен Даниил из Русской земли, худший из всех монахов, отягченный грехами многими, не способный ни к какому делу доброму, будучи понуждаем мыслью своею и нетерпением моим, захотел видеть святой город Иерусалим и Землю обетованную. И, благодатью Божьею, дошел я до святого города Иерусалима, и видел святые места, обошел всю землю Галилейскую и около святого города Иерусалима святые места, куда Христос Бог наш ходил своими ногами и где, по местам тем святым, Он показал великие чудеса. И то все видел я глазами своими грешными. Незлобивый Бог показал мне, чтобы я видел то,

чего желал я много дней мыслью моею». (перевод Прохорова)

И в дальнейшем это открытое лицо, это живое присутствие автора уже никогда не уходит из текста. Повествование нигде не остается безликим и отстраненным, но развивается в тоне доверительного общения.

«Братья и отцы, господа мои, простите меня, грешного, и не попрекните за скудоумие и грубость того, что написал я о святом городе Иерусалиме, о земле той благой и о пути, ведущем к святым местам. Ведь кто совершит этот путь со страхом Божиим и смирением никогда не погрешит против милости Божией. Я же неподобающе ходил путем тем святым, во всякой лености, слабости, пьянствуя и всякие неподобающие дела творя. Но, надеясь, однако, на милость Божию и на вашу молитву – что простит мне Христос Бог мои грехи бесчисленные, описал я этот путь и места те святые, не возносясь, не величаясь этим путем, будто что-нибудь доброе сотворил на этом пути, – да не будет того: никакого ведь добра не сотворил я на пути том, – но по любви к святым тем местам описал я все, что видел глазами своими, дабы не забыто было то, что дал Бог видеть мне недостойному». (перевод Прохорова)

В первых строках своего произведения, говоря о себе самом, автор все-таки определяет нравственное устройство, к которому в идеале должен стремиться каждый паломник: осознание собственного недостойнства и упование на милосердие Божье. Эти трудносовместимые чувства, совмещаясь в сердце опытных подвижников, дают обильные плоды: покаянные души становятся неутомимыми в своих путях.

Неутомимый игумен Даниил за 16 месяцев своего пребывания на Святой Земле обошел очень много. Гораздо больше, чем обычно обходит самый усердный паломник или даже житель здешних мест.

Святую Землю игумен Даниил полюбил сразу. С горы Армафем в первый раз открылся Иерусалим взгляду русского странника и взгляд этот был полон слезами.



«... и ту слезам пролитие бывает от верных человек. Никтоже бо может не прослезитися, узрев желанную ту землю и места святаа вида, идеже Христос Бог наш претерпе страсти нас ради грешных».

Далее в главе «О граде Иерусалиме» читаем: «Иерусалим же град есть велик и тверд стенами... Дебри суть многи около его и горы каменныя. Безводно место то есть... И жита добра ражаются около Иерусалима в камении том без дожда, но тако, Божиим повелением и благоволением. Родиться пшеница и ячмень изрядно... 100 кадей по единой кади. То несть ли то благословение Божие на земли той Святей! Суть винограда мнози около Иерусалима и овощнаа древеса многоплодовита, смокви и агодичия, и масличие, и рожци и инаа вся различнаа древеса бес числа по всей земли той суть».

В Иерусалиме Даниил поселился, по словам Г.М.Прохорова, на подворье (в метохии) монастыря Святого Саввы. Там ему встретился ученый старец, знаток святых мест, оказавший нашему страннику неоценимую помощь в его дальнейшем путешествии. Исходя из этого можно предположить, что Даниил владел хотя бы основами греческого языка. Иначе как бы он объяснялся со старцем, насельником греческого монастыря? Но наверняка он не знал арабского, ибо приехал в Палестину «без языка».

«Невозможно бо без вожа добра и без языка испытати и видети всех святых мест, и что имея в руку мою худаго моего добыточка, то от того все подавах вѣдущим добре вся святаа места в граде и вне града, да быша ми указали все добре, якоже и бысть».

«И пригоди ми Бог налести в лавре мужа добра и стара деньми, и книжна велми, тому святому мужеву вложи Бог в сердце любити мя худаго, и ты указа ми добре вся святаа та места».

Итак, имея «вожа добра», русский паломник принялся воодушевленно осматривать, изучать и подробно описывать иерусалимские святыни. А затем пустился мерить шагами

Палестину.

Порой это было опасно. Мусульманские вооруженные отряды часто нападали на христианских паломников. Паломники же старались быть осторожными, держались группами, радовались, когда удавалось выйти в путь с «дружиной» крестоносцев, а лучше – с целым войском.

Обо многих палестинских путях игумен Даниил напишет: «И тий путь тяжек и страшен зело».

Однако опасности не только не останавливали, но и не смущали отважного странника. (На Руси, вероятно, он еще и не то видывал.)

Осмотрев Иерусалим и окрестности, наш паломник отправился на Иордан. Затем в Иерихон, затем в Лавру Святого Саввы. Затем с войском короля Балдуина вновь отправился в Галилею, дошел до верховьев Иордана и Мертвого моря, обошел вокруг Тивериадское озеро. Был на Фаворе, в Назарете, в Хайфе, в Акко и в Кейсариин. Праздновал Богоявление на Иордане и Пасху – у Гроба Господнего. В день схождения Благодатного огня он поставил на Гробе Господнем лампаду за Русскую землю и оставил прекрасный рассказ об этом событии.

По времени игумен Даниил был ближе, чем мы ко Христу и пророкам древности. И потому его свидетельства вносят в сердце читателя особый вклад достоверности: да, именно здесь, именно так все происходило.

Информация почти тысячелетней давности практически совпадает с тем, что мы имеем сейчас. А это большое дело! Если последняя тысяча лет этих мест не коснулась и не передвинула, то логично предположить, что не поменяла их и первая.

Читаешь и думаешь: и сейчас – как тогда! То благоговение, с которым игумен Даниил обходил святые места, напрямую передается читателю. Верой наполнены и согреты простые слова «Хожения». Они возвышают ум, успокаивают, вдохновляют.

Так сбывается доброе пожелание автора своим читателям: «Кто с любовью прочтет, да примет награду от Бога Спаса нашего Иисуса Христа».

Девяносто восемь кратких и складных глав Данилова повествования крепкими звеньями связывают нас одновременно с тремя нашими отечествами – с Древней Русью, с Новозаветной и Ветхозаветной историей.

Само по себе «Хожение» – это особое поле, в котором временные и пространственные расстояния будто бы сходят на нет. И сокровища духовного опыта свободно передаются из рук в руки между людьми уже живущими в вечности и еще живущими на земле.

Основное внимание, переживание игумена Даниила в паломничестве было обращено, конечно, к Страстям Христовым. Святыни, связанные с ними, описаны в «Хожении» поэтично и обстоятельно. Гроб Господень, Голгофу, церковь Воскресения Даниил измерил саженьями, локтями и пядями, упомянув, что Господь пядию Своею «измерих небо и землю».

В главу «О жертвенице Авраамове» он вносит несравненный плач Богородицы, видящей Христа, идущего на Голгофу.

«Камо идеши, чадо мое? Что ради течение се скорое твориши? Еда другой брак в Кане Галилеи, да тамо тщишися, сыну и Боже мой? Не молча отъиди мене, рожшая тя, дажь ми слово, рабе своей».

И далее: «Стояху же вси знаемии друзи Иисусови, зряще издалече, яко же пророк глаголет о том: «Друзи же мои и ближники моя издалече мене сташа».

Слова «яко же пророк глаголет о том» не раз встречаются в «Хожении».

Жизнь и писания древних пророков живо интересовали Даниила. В разных местах «Хожения» читателю являются праотец Авраам и Моисей, пророк Аввакум и пророк Даниил, царь Соломон, царь Давид, пророк Иеремия и Архистратиг Михаил, сказавший Иисусу

Навину: «Дерзай и побеждай супостаты твоя!»

Повествуя об Иордане, игумен Даниил указывает место, где вода расступилась перед Иисусом Навиным, когда он вместе с израильским народом входил в Землю Обетованную. Здесь же и пророк Елисей перешел реку посуху, ударив по воде оброненной милотью пророка Илии, возносящегося в небо на огненной колеснице. И, наконец, расступается Иордан перед самим Христом, пришедшим креститься в его водах.

На Иордане игумен Даниил побывал дважды или трижды. Он купался в реке, пил из нее воду, переходил ее вброд, много бродил по берегам. Конечно, он измерил ширину и глубину Иордана. Интересно, что в те времена в прибрежных иорданских зарослях во множестве водились львы и барсы.

Очень красиво описывается Иордан в главе «О Ердане». Он напоминает Даниилу речку Сновь, которая впадает в Десну там, на далекой родине. «Всем же есть подобен Иордан к реце Сновесей – и вшире, и вглубле, и луково течет и быстро велми, якоже Сновь река».

Удивительно, что нигде, кроме этого места русский путешественник о родине не вспоминает. Как видно, святыни и яркое небо, и «многоплодовита древеса» Святой Земли целиком захватили его. И предательский князь Олег, и шелудивый хан Боняк, и хитрый Тугоркан, давший свое имя Труханову острову на Днепре, исчезли из сознания Даниила на все счастливое время паломничества. По крайней мере, ни один ностальгический мотив не смутил радостной бодрости Данилова повествования.

То, что на Святой Земле автор «Хожения» обрел свою духовную отчизну, совершенно очевидно. Он мыслил библейскими категориями, он ими жил. Ветхозаветную историю он знал хорошо, можно сказать, свободно. Настолько, что она стала органичной частью его писательского стиля.

О водах Иерихона Даниил говорит: «Ти суть воды Иелисеевы, иже ослади Иелисей пророк». – Это Елисеевы воды. Как просто! Это

воды, которые опреснил Елисей-пророк. Звучит, как достоверное свидетельство. «Яко же видех очима своима, тако и написах».

Но в этом случае только духовным взором автор мог видеть то, что написал.

Здесь мы имеем (несмотря на древность источника) новый взгляд на Священное Предание, которое для большинства людей является в лучшем случае душеполезным чтением, сюжеты из которого все равно забываются, сколько ни читай. Вот этими-то сюжетами и переполнено повествование игумена Даниила. Но он открывает нам другую Ветхозаветную историю, не ту, к которой мы привыкли. Мы обнаруживаем, что нас окружает история реальная, вряд ли даже прошедшая, скорее, ныне совершающаяся.

Вот что говорится о пещере Мелхиседека на Фаворе. «И ныне приходит туда часто святой Мелхиседек и служит литургию в пещере той святой, и почивают все верные, что живут на горе той святой». (перевод Прохорова) Разумно ли будет возражать, прочитав написанное?

Фавор вообще очень понравился игумену Даниилу. «Фаворская же гора чюдно и дивно, и несказанно, и красно уродилася есть... Вышли же есть Фаворская гора всех, сущи окрест ея, и есть уединена кроме всех гор, и стоит посреди поля красно зело, яко стог будет гораздо зделан, кругло и высоко велми и велик ободом».

Но самое прекрасное описание досталось Мамврийскому дубу.

«Есть же дуб-от святой у пути на близу, тамо идучи на правой руке, и стоит красен на горе висоце. И есть около корения его доле от Бога помощено мрамором белым, помоста того выросл дуб-от святой, ис камени того, дивен есть». Как тут не вспомнить:

*Среди долины ровная,*

*На гладкой высоте*

*Цветет – растет высокий дуб*

А дальше следует глава «О горе Хевроне» с замечательным описанием плодородия тамошних земель. «И всякий овощ ту есть, и есть овощей лучи и болий всех овощей, сущих на земли под небесем, несть такого овоща нигдеже. ...Неисказанна есть земля та около Феврона!»

Среди глав, описывающих святые места и связанные с ними сюжеты, выделяется глава, целиком посвященная молитве праотца Авраама о жителях Содома. Вероятно, тема эта была особенно близка игумену Даниилу. Будучи иноком Печерской Лавры, он привык подобно Аврааму молиться о грешниках. А на каждой земле – свой Содом.

«Господи! Да не погубиши праведного с нечестивыми в пагубу!»

---

<sup>1</sup> Стихотворение Алексея Мерзлякова, ставшее народной песней.

Еще раз имя праотца Авраама упоминается в самом конце

«Хожения» вместе с благословением всем будущим паломникам и читателям. «Верю бо прииде Авраам в Землю обетованную. Поистине бо вера есть равна добрым делом».

Паломничество игумена Даниила, несмотря на трудности, прошло благополучно. (Правда, корабль, на котором, возвращаясь обратно, он плыл по Средиземному морю, был ограблен пиратами. Но Даниил как будто не придавал этому большого значения. Вероятно, материальные потери не шли в сравнение с великими приобретениями, сделанными его сердцем.)

Возвращаясь из Галилеи в Иерусалим, русский паломник подводит итог своих странствий и пишет благодарные строки: «И дошли до святого города Иерусалима с радостью великою поздорову. Никакого зла не видели мы на пути этом, но все хорошо показал нам Бог... И чудную ту землю Галилейскую видели мы очами своими... И, Божию благодатию хранимые, исходили мы без пакости,

молитвами Святой Богородицы соблюдаемые, и обошли всю Палестинскую землю». (перевод Прохорова)

«Божиею помощью укрепляем, обошел я места те святыя, не встретив нигде ни поганых, ни лютого зверя, не пришлось мне увидеть и иного зла никакого, ни немощи малой не почувствовал я в теле моем, но всегда был, как орел, легок, Божиею благодатию соблюдаем и силою Вышнего укрепляем. Хотя и надо бы мне похвалиться, но только силою Христа моего похваляюсь: ибо «сила моя в немощи совершается», как говорит апостол Павел. И что воздам Господу за все, что он мне плохому, грешному и недостойному дал столькую благодать видеть и походить по святым этим местам и исполнить мне желание сердца моего? Ведь то, что я сподобился видеть, это же мне показал Бог, чтобы я видел, недостойный раб и дурной. И простите меня, братья, отцы и господа мои, и не попрекните худоумие мое, что написал не хитро, но просто о местах этих святых, и о Иерусалиме, и о Земле этой обетованной. Однако же хоть и не мудро написал, но и не ложно: как видел глазами своими, так и написал». (перевод Прохорова)

В этих незабываемых, заключительных строках одного из первых произведений русской литературы уже задан канон духовного и писательского делания: «не мудро, но и не ложно». Недаром «Хожение» игумена Даниила для всех последующих русских хожений послужило образцом.

Но не только для последующих хожений. Книга игумена Даниила является образцом литературного произведения – и по сложности изложения, и по высоте поставленных нравственных задач. Русская литература, как видим, начиналась с вершины. Из Иерусалима есть пошла русская литература.

Отдельной главой в конце «Хожения» помещен рассказ «О свете небеснем, яко же сходит ко Гробу Господню». Рассказ начинается с того, что игумен Даниил в Страстную Пятницу приходит к королю Балдуину.

«Тогда аз худый, недостойный, в ту пятницу, в 1 час дни, идох к князю тому Балдвину и поклонихся ему до земли. Он же, видев мя худаго, и призвав мя к себе с любовью, рече ми: «Что хочеши, игумене русьский?»... Аз же рекох ему: «Княже мой и господине мой! Молю ти ся Бога для и князей для русьских: повели ми, да бых и аз поставил свое кандило на Гробе Святем от всея Русьскыя земля!»

И далее автор этих прекрасных строк, дипломатичный и обходительный, умеющий находить общий язык и с Иерусалимским королем, и с церковным ключником, действительно ставит на Гробе Господнем купленную им лампаду – «кандило стеклянo, велико велми», полное «масла честнаго».

«И поставих своима рукама грешныма в ногах, идеже лежаша пречистии нозе Господа нашего Иисуса Христа. В главах бо стояше кандило гречьское, на персех поставлено быше кандило Святаго Савы и всех монастырей... И благодетью Божиею та ся 3 кандила вождоша тогда...»

Празднование Пасхи у Гроба Господнего безусловно являлось кульминационным моментом всего паломничества. Замечательно то, что в рассказе об этом праздновании был задан вопрос: «Неужели из-за моих грехов не сойдет святой свет?» – самый болезненный, самый главный вопрос разбуженной совести во все века и времена.

«Аще бо кто окаменено сердце имат но тогда может прослезити. Всяк бо человек зазрит в себе тогда, и поминает грехи своя, и глаголет в собе всяк человек: «Еда моих для грехов не снидет свет святой?» И тако стоять вси вернии людие слезни и скрушенным сердцем».

Автор завершает свое повествование об иерусалимской Пасхе, сознавая важность и грядущую востребованность написанного им. Он еще раз перечисляет имена русских князей, которые записал для поминовения в монастыре Святого Саввы, о которых молился у Гроба Господнего сам. Призывая в свидетели Господа и своих



попутчиков, он пишет:

«...мудрии и вернии человеци велми веруют и всласть послушают сказания сего и истины сеа о местех сих святых. ...Мне же худому Бог послух есть и вся дружина, русьстии сынове, приключьшиися тогда в ть день новгородцы и кияне...»

Обо всех русских паломниках, которым предстояло пройти его путем через год, через сто, через тысячу лет, игумен Даниил позаботился заранее. «Дабы не в забыть было то, еже ми Бог показа видети...», он не просто описал Святую Землю – он заключил ее в свое сердце, а сердце заключил в книгу. Сердце это, чистое сердце, узревшее Бога, само потом стало оптическим прибором, глядя через который можно увидеть вещи, недоступные невооруженному глазу. Взглянув таким образом на Святую Землю, мы увидим то, чего не смогли бы нам показать современные гиды.

«Хожение» игумена Даниила – это открытие Святой Земли. И не только для самого автора и его современников, но и для нас. Игумен Даниил открыл Святую Землю. А Святая Земля, непредсказуемая, суровая и скрытная, доверчиво открылась ему. И он со светлой благодарностью принял этот евангельский талант, сохранив и приумножив его писательским трудом.

Лампада, зажженная игуменом Даниилом от Благодатного огня, не погасла на ветрах времени. Она и сейчас горит и светит нам светом радости, знания, веры.

*Авторы статьи: Елизавета Кулинская, Елена Кулинская.*

Библиография:

1. Митрополит Макарий. История Русской Церкви. М., изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1996.
2. Хожение игумена Даниила /Подг. текста, перевод и коммент.: Г.М.Прохоров/ БЛДР. 1997.
3. Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти

Ярослава до конца XIV столетия. Киев, Наукова думка, 1991.

4. Веневитинов М.А. Заметки к истории Хождения игумена Даниила // ЖМНП. 1883.
5. Гардзанити М. «Хожение» игумена Даниила в Св. Землю: Лит-ра и богословие на Руси XII в. // Славяноведение. 1995.
6. Малето Е. Хожения русских путешественников XII-XV в.в. М., 2000.
7. Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. // Ред.: Я.Н.Щапов. СПб., 2003.